

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. КАМАЛА

Д.К. Вахитова

*Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
e-mail: dilik15@yandex.ru*

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

В данной статье анализируется инвективная лексика и фразеология в творчестве выдающегося татарского писателя, классика татарской драматургии Г. Камала. Среди основных инвективных средств, выявленных в пьесах драматурга, следует отметить инвективную метафору, метонимию, эпитет, иронию. Кроме того в произведениях Г. Камала в качестве основных элементов инвективной стратегии используются проклятия, заимствования из русского языка, а также междометные инвективы. Таким образом, инвективная лексика является одним из ключевых элементов в создании яркого образа героя, отражении колорита представленной исторической эпохи.

***Ключевые слова:** татарский язык, инвективная лексика, метонимия, метафора, эпитет, заимствование.*

Художественный текст любого исторического периода характеризуется наличием инвективной лексики, которая является неотъемлемой частью лексического состава любого языка. Частотность обращения к инвективной лексике в литературе обусловлена рядом факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических, к примеру, жанром, исторической эпохой, предпочтениями автора и т.д.

Татарские произведения начала XX века отличаются наличием определенного спектра инвективной лексики, характерной для указанной исторической эпохи. Литература данного периода ассоциируется, прежде всего, с творческой деятельностью одного из основоположников татарской драматургии и татарского театра Г. Камала. В данной статье особенности функционирования данного слоя лексики освещаются на примере пьес великого писателя. В исследовании подробно рассматривается и анализируется использование инвективной лексики в таких драмах, как «Бәхетсез егет» («Несчастный юноша»), «Уйнаш» («Любодей»), «Дәжжал» («Даджал»), комедиях «Беренче театр» («Первый театр»), «Бүләк өчен» («Из-за подарка»), «Көндәш» («Соперница»), «Өйләнәм!.. Ник өйләндәм?» («Женюсь!.. Зачем женился?») и др.

Драматургия Г. Камала выделяется из ряда других художественных произведений освещением социальных проблем, высмеиванием

существующих устоев и необразованности. Каждая сцена пьесы направлена на правдивое отражение актуальных проблем и действительности того времени, раскрытие ее типичных черт. Реальные случаи были заложены в основу многих его литературных работ, что обуславливает использование значительного количества инвективной лексики в речи героев произведений выдающегося литератора. Таким образом, достигается приближение речи действующих лиц пьес к естественному потоку.

Инвективная лексика и фразеология в пьесах Г. Камала призвана выполнять различные функции. Наиболее частотными являются инвективы в функции метафоры. Инвективная метафора включает в себе эмоциональность и выразительность, отражающиеся в негативном отношении к предмету, которое проявляется в тексте в виде оскорбления: *Күзле бүкәннәр!* ‘Глазастые обрубки!’; *Кем белән сөйләшкән безне бик яхшы беләбәз, ач бет! Хәерче!* ‘Мы прекрасно знаем с кем ты разговаривал, нищий (букв. голодная вошь)! Попрошайка!’ [Камал 1979: 18–19] и др. (Перевод текстовых фрагментов здесь и далее выполнен автором статьи. – Д.В.).

Ряд инвективных метафор в творчестве писателя связаны с темой продуктов питания. Часто нерешительный, бесхарактерный человек сравнивается с тестом из чечевицы, ржаной кашей, картофельным пюре, взмокшими клецками и т.д.: *Куйсана, зинһар, юк сүзләреңне, кыйнады ди, кыйнамайни, шул арыш боламыгыннан куркып торсаң!* ‘Ради бога хватит пустословить, что бил, что не бил, нашел кого бояться – этого размазню (букв. мучная болтушка из ржи)’ [Камал 1978: 101].

Значительная часть метафор направлена на осуждение женской распутности. Известно, что данная сфера в большинстве культур является источником табу и их нарушений, чем и обуславливается возникновение большинства инвектив [Жельвис 2001: 276]. Проведенный анализ свидетельствует о том, что женское распутство является источником резкого осуждения со стороны общества, что определено традициями татар и убеждениями о роли женщины в семье. В произведениях писателя нет информации о распутстве со стороны мужчин. Инвективные средства данной категории обладают грубым, презрительным характером. Распутная женщина в татарском языке может называться *фахишә* ‘проститутка’, *урам кызы* (букв. уличная девка) ‘проститутка’ и т.д.: *Габдрахман күрөп калган, бер бәдбәхет, эштән чыккан фахишә белән извозчикка бүген иртә белән сәгать уннарда утырып вакзалга таба киткәннәр.* ‘Габдрахман увидел, как один негодяй с проституткой взял извозчика и около 10 часов утра направился на вокзал’; *Һи, сөрелгән нәрсә!* ‘Ну, потаскуха (букв. та, что таскалась)’ [Камал 1978: 321, 540]. Г. Камал сравнивает распутных женщин с *урам себеркесе* (букв. уличная

метла) ‘развратница’: *Әгәр син белдермәгән булсаң, гомерем буена белмиңә, шул урам себеркесе белән гомеремне уздырган булыр идем бит.* ‘Если бы ты не дал мне знать, всю жизнь бы не зная прожил с этой потаскухой (букв. уличная метла)’ [Камал 1978: 116].

В работах драматурга выявлен существенный ряд инвективных метафор, основанных на сравнении с такими животными, как *бозау* ‘теленок’, *дуңгыз* ‘свинья’, *эт* ‘собака’, *елан* ‘змея’ и др. В культуре татар *дуңгыз* ‘свинья’ используется для номинации нечистоплотного, подлого человека. Однако данная инвектива полифункциональна, следовательно, может использоваться в качестве усилительного компонента в словосочетаниях и обозначать любые отрицательные качества, например: *Юк исә нинди явыз белән әйтмәк кирәк сөйгән кешене «дуңгыз» дип?* ‘С какой злобой можно назвать любимого человека свиньей?’, *Бер-бер жиргә генә барып тор, Закир дуңгызны гына озатыйм, аннан ары керерсең.* ‘Сходи куда-нибудь, этого свинью Закира только провожу, потом зайдешь’; *Әй, саран дуңгыз, нинди матурны китереп тә, бары утыз гына тәңкә биргән.* ‘Вот жадная свинья, я привел такую красавицу, а он всего-то тридцать рублей дал’ [Камал 1978: 48, 49, 105] и др.

Инвектива *эт* ‘собака’ также многофункциональна, поэтому применяется для номинации человека с разными недостатками: *Ну, дуңгыз нәрсә соң үзе дә, этнең эте инде.* ‘Ну и свинья же он, собака (букв. собачья собака)’ [Камал 1978: 55]. Кроме того, был выявлен случай использования в работах Г. Камала заимствования из русского языка *собака*: *Нахал, собака* [Камал 1978: 99]!

Инвектива *бозау* ‘теленок’ в татарской культуре отражает нерешительность и медлительность. В этой же функции ее использует писатель в своих работах: *Әле һаман теге уҗым бозавы киенеп чыга алмаган икән.* ‘До сих пор этот размазня (букв. озимый теленок) еще не оделся’ [Камал 1978: 72].

Инвектива *елан* ‘змея’ олицетворяет злость и коварство человека: *Мин аны безнең кызыбызны сорарга килгән икән дип сөенеп торсам, ул миннән теге аҗдаһа жыланның сеңелесен сорашырга дип килгән икән.* ‘Только я обрадовалась, думала, он пришел просить руки нашей дочери, а он, оказывается, пришел узнать о сестре той змеи подколодной’ [Камал 1978: 266]; *Бергәләп күрсәтеп зур көчебезне, сытып таптыйк дошман – кара еланны!* ‘Вместе мы покажем нашу огромную силу, задавим нашего врага – черную змею!’ [Камал 1979: 227].

Метафорические инвективные наименования человека, включающие в себя названия птиц, в драматургии Г. Камала представлены незначительно. К примеру, *ябалак* ‘сова’ используется в сочетании с *аңгыра* ‘глупый’, таким образом усиливая выразительность и придавая дополнительную эмоциональность высказыванию: *Әй, аңгыра ябалак,*

матур булмагач, мин сиңа китерәммә соң аны? ‘Эй, глупая сова, разве я привел бы ее сюда, если бы она не была красивой?’ [Камал 1978: 103].

Следующий стилистический прием, широко представленный в пьесах драматурга, – метонимия. Остановимся на одной из самых продуктивных моделей метонимического переноса, а именно синекдохе. Согласно Смолиной А.Н. «с помощью синекдохи может выдвигаться на передний план какая-то черта объекта, что позволяет адресанту заострять внимание на чем-то неприглядном, характеризовать объект по таким признакам, которые показывают духовную, умственную незначительность персонажа (особенно если избирается деталь внешнего характера)» [Смолина 2010: 45].

В ходе анализа случаев метонимического переноса, содержащего наименования частей тела, было выявлено, что в драматургии Г. Камала наиболее употребительными инвективными метонимиями являются сочетания с такими компонентами, как *баш* ‘голова’, *авыз* ‘рот’, *корсак* ‘брюхо’ и др. Каждый из них в сочетании с каким-либо интенсификатором передает отрицательные черты характера человека, особенности его поведения и образа жизни:

1. *Корсак* ‘брюхо, чрево’ используется писателем в песне в составе словосочетания *апара корсак* ‘брюхо из опары’ и имеет ярко выраженную негативную коннотацию:

*Хафиз киткән ил буена,
Илдән хәер сорарга.
Хафиз бүкән, апара корсак,
Илдән хәер сорарга.
‘Хафиз пошел по миру,
Просить подаяния у мира.
Хафиз, чурбан, толстопуз,
Просить подаяния у мира’* [Камал 1979: 442].

2. Драматург часто прибегает к использованию *авыз* ‘рот’ в составе таких инвективных сочетаний как *жимерек авыз* ‘разбитый рот’, *жебегән авыз* ‘взмокший рот’, *йомшак авыз* ‘мягкий рот’, *мәми авыз* ‘полный рот еды’, которые характеризуют нерешительного человека: *Абзый да – бик жебегән авыз*. ‘Дядя тоже мямля’; *Без үзөбөз дә шул йомшак авыз, күптән тотып өйләндерәсе генә бар иде*. ‘Мы сами мямли, давно надо было его женить’; *Ии, аңгыра! Жебегән авыз!* ‘Ну, тупица! Мямля!’; *Әллә шул мәми авызны яратып торган буласыңмы?* ‘Ты что, любишь этого недотепу’ [Камал 1978: 18, 22, 73, 101]; *Ах, жимерек авыз, Зәһрә аның кочагында!* ‘Ах, разбитый рот, Зухра в его объятиях!’ [Камал 1979: 171].

3. Излюбленной и самой частотной инвективой в драматических и комедийных произведениях писателя является инвектива *йөзе кара*

(букв. черное лицо) с компонентом *йөз* ‘лицо’ в значении ‘презренный, бесстыжий’. Было обнаружено 25 случаев использования данного словосочетания: *Боларны болай гына калдырырга ярамый, йөзе караларны!* ‘Их нельзя просто так оставить, проклятых (букв. чернолицых)’; *Ах, йөзе кара икән, синнән дә сорадымыни?* ‘Ах, негодяй, и у тебя спросил?’; *Кит моннан, йөзең кара, бар, тиз чык!* ‘Убирайся, проклятый, быстро выметайся!’ [Камал 1978: 78, 110, 145] и др.

Инвективные средства в произведениях Г. Камала также выступают в функции эпитета. Следует отметить, что в анализируемых пьесах эпитеты подчеркивают разные негативные аспекты человека и его бытия:

1. Дефекты во внешности: *Кичә генә «курнус Әсма» дип йөриләр иде әле, хәзер инде бүген бикә дә булып эжиткән.* ‘Еще вчера называли курносой Эсмой, а сегодня уже стала барыней’ [Камал 1978: 83].

2. Умственные недостатки подчеркиваются писателем при помощи таких инвективных эпитетов как *мисез* ‘безмозглый’, *ахмак* ‘глупец’, *юньсез* ‘непутевый’, *тиле* ‘глупый’, *аңгыра* ‘тупой’, *баисыз* (букв. безголовый) ‘безмозглый’, *акылсыз* ‘глупый’, *надан* ‘тупой’: *Белмим, кемгә охшап бу кадәр мисез, гакылсыз булгандыр бу!* ‘Не знаю, в кого он такой безмозглый и бестолковый’; *Кыскасын гына әйткәндә, бөтенләй чеп-чи наданнар...* ‘Короче говоря, они совсем тупицы...’; *Бу кадәр аңгыра булырлар икән!* ‘Надо же быть такими тупыми’; *Ахмак нәрсәләр, йөзе каралар, кладавай ишеген ачык калдырганнар.* ‘Бестолковые, проклятые, оставили дверь кладовой открытой’ [Камал 1978: 13, 29, 75, 154] и др.

3. Психические недостатки человека обозначаются эпитетом *юләр* ‘безрассудный, сумасшедший’. Данный эпитет является наиболее частотным, т.к. был выявлен в 32 высказываниях: *Мин үзем дә жүләр: миңа ни эшкә кирәк иде аңар театр дип сөйләп торырга?* ‘Я сам дурак: зачем мне надо было говорить ей про театр?’; *Синең шикелле жүләргә ярамаган тагын!* ‘Сойдет для такого сумасшедшего, как ты’ [Камал 1978: 63, 88]; *Һи син, карт жүләр, ди, картайган көнеңдә син дә шул жүләрләр белән бергә жүләрләнеп йөрисеңме инде, ди.* ‘Ну ты, старый дурак, ты что, сходишь с ума с этими сумасшедшими в старости?’; *Бу жүләрнең өеннән, яныннан тизрәк китик.* ‘Давай скорее уйдем из дома этого сумасшедшего и от него самого’ [Камал 1979: 43, 166].

4. Отрицательные черты характера обозначаются такими словами, как *инсафсыз* ‘бесстыжий’, *оятсыз* ‘бессовестный’ и др: *Ах, йөзе кара, оятсыз!* ‘Ах, проклятый, бессовестный!’; *Кит, оятсыз!* ‘Уйди, бессовестный!’; *И оятсыз, оятсыз, оялмыйча мәзингә кадәр килгән бит!* ‘Бессовестный, бессовестный, не постеснявшись до муэдзина дошел же!’ [Камал 1978: 41, 113, 218] и др.

Характерной особенностью использования инвективных средств в драмах и комедиях Г. Камала является наличие усилительных компонентов для выражения большего презрения к оппоненту, отражения эмоционального накала ситуации. Наиболее частотным усилителем эмоциональности инвективного сочетания является компонент *нәрсә* ‘нечто, предмет’, который прибавляется к лексической единице. Таким образом, выражению придается резкая отрицательная экспрессивность. В анализируемых произведениях писателя выявлено более 30 случаев употребления данной конструкции: *Ии, жебегән нәрсәләр, миегез чергән нәрсәләр!* ‘Хи, мямли (букв. размокшие нечто), безмозглые людишки (букв. с гнилыми мозгами нечто)!’; *Бик явыз нәрсә булырга ошый.* ‘Кажется, он шельмец (букв. злое нечто)’; *Күзең чыккан нәрсә!* ‘Безглазый человечиска! (букв. с выбитыми глазами нечто)’; *Жүләр нәрсә, аны алдан сандыкка салып, кладавайга бикләп китәргә ярамаган икән.* ‘Бестолковый (букв. нечто бестолковое), неужели нельзя было положить это в сундук и закрыть в кладовой?’; *Тиз чык, йөзең кара булган нәрсә!* ‘Быстро выходи, проклятая (букв. нечто с черным лицом)’; *Шул чети күзле нәрсә гүзәлләр солтаны буласы имеш!* ‘И эта узкоглазая (букв. с узкими глазами нечто), дескать, станет королевой красавиц!’ [Камал 1978: 18, 55, 75, 129, 219, 278] и др.

В комедийных и драматических произведениях Г. Камала был выявлен ряд проклятий. В данном аспекте мы можем выделить несколько основных вокативов: *тәре* (букв. крест) ‘проклятый’, *шайтан* ‘шайтан, черт, дьявол’, *каһәр* ‘проклятье, проклятый’, *чукыган* ‘проклятый’ (букв. крещеный) и их производные: *Әй, сукыр тәре, бик күп эчәсең, исерерсең!* ‘Эй, слепец проклятый (букв. слепой крест), слишком много пьешь, опьянеешь!’ [Камал 1979: 94]; *Каһәр сукканнар, бәдбәхетләр, ләгыйһнәр, мәңгелек игелек күрмәгез!* ‘Проклятые (букв. проклятьем ударенные), негодяи, окаянные, чтоб добра никогда не видели!’; *Йөзең кара булган нәрсә, карт шайтан!* ‘Проклятый (букв. нечто с черным лицом), старый шайтан!’ [Камал 1978: 115, 343]. В пьесах используется обилие проклятий и отсыланий: *Әнә, ал үз акчаңны да, әйдә – вон! Жәһәннәмнең аръягына кадәр!* ‘Забирай свои деньги, и давай – вон! До самого ада’; *Алланың ләгънәтләре яусын шул бәдбәхеткә!* ‘Чтоб Бог проклял этого окаянного!’; *Матрасыгыз белән чәнчелеп китегез, кирәк булса бөтенләй караватын да алып чыгыгыз...* ‘Провалитесь совсем со своим матрасом, если надо и кровать забирайте...’; *Тамагыңа пычак кадалсын!* ‘Чтоб нож застрял в твоей глотке!’ [Камал 1978: 41, 246, 255, 461]; *Телегез корыр, явызлар, телегез корыр!* ‘Язык у вас отсохнет, шельмецы, язык отсохнет!’ [Камал 1979: 127].

Значительную группу инвектив составляют заимствования из русского языка. Г. Камал в своих произведениях прибегает к

использованию заимствований, содержащих резкую отрицательную оценочность, тем самым принижающих личность: *черт, сукин сын, падлис* ‘подлец’, *дурак, нахал, собака: Ну, чорт с ним, шкатулка эчендә юлга житәрлек акча чыкса, ник кадалып китми шунда.* ‘Ну, черт с ним, если в шкатулке хватит денег на дорогу, по мне он хоть пусть подавится’; *Мине куа алмасың, падлис!* ‘Меня прогнать не сможешь, подлец’; *Нахал, собака!; Дурак, хатыннардан бигрәк ирләре дурак.* ‘Дураки, мужья еще большие дураки, чем их жены’ [Камал 1978: 40, 50, 99, 108]; *Өйрәтергә кирәк сукин сыйнарны, өйрәтергә!* ‘Проучить надо этих сукиных сыновей, проучить!’ [Камал 1979: 113]. В произведениях заимствования также используются для осуждения неопытности, к примеру, инвектива *малакасус* ‘молокосос’ дает негативную оценку юношеской неопытности: *Бер малакасус, кызыл авызлы нәрсә шунда, өйләнергә килгән.* ‘Один молокосос красноротый (букв. нечто с красным ртом) жениться пришел’; *Тукта әле, мин ул малакасус малайга кыз сөюнең ни икәнән күрсәтим әле!* ‘Подожди, я еще покажу этому молокососу, что значит любить девушку’ [Камал 1978: 189, 278]. Кроме того, были обнаружены слова, напрямую обозначающие социально осуждаемое поведение или деятельность: *жулик, шулер, хулиганнар* ‘хулиганы’: *Мин синең шикелле жуликларны бик күп күргән!* ‘Много видел я таких жуликов, как ты!’; *Мин синең шикелле шулер түгел.* ‘Я не такой шулер, как ты’ [Камал 1978: 50, 196].

В творчестве Г. Камала наблюдается частое использование отрывков из произведений фольклора в виде присказок, частушек и т.п., содержащих инвективные единицы:

*Мунчалар да ягалар,
Пешерәләр коймаklar;
Кунаklarга йөрешәләр
Жыен кәкре сыйраklar.
‘И бани топят,
И блины пекут;
В гости друг к дружке ходят
Всякие кривоногие’ [Камал 1979: 124].
Жигеп чаба туры атлар
Жыен динче дураklar.
Тыгыналар, сайланалар
Кода-кодагый, картлар!
‘Запрягают лошадей и несутся
Всякие религиозные дураки.
Обжираются, привередничают
Сваты, старики!’ [Камал 1979: 124].*

Ряд инвективных средств находит употребление в функции междометия. Междометная функция инвективы характеризуется безадресностью. В качестве таких средств Г. Камал использует инвективные выражения *атаң башы* (букв. голова отца), *черт* и др.: *Атаң башы! Мин сиңа төятергә димим, театрға дим, аңладыңмы, театрға дим!* ‘Черт возьми! Я тебе говорю не грузить, а в театр, поняла, в театр!’; *Барам да якаларыңнан тотып, өстерәп алып кайтам! Тфу, чурт!* ‘Пойду и за шиворот притащу! Тфу, черт! ...’ [Камал 1978: 63, 78]. Таким образом, инвективная лексика в функции междометия придает дополнительную экспрессивность высказыванию и эмоционально его насыщает.

В произведениях Г. Камала были выявлены случаи употребления слов и выражений, приобретающих инвективный оттенок в высказываниях. Так, например, в определенном контексте выражение *нәни бәби* ‘маленький ребенок’ может использоваться в качестве инвективного и осуществлять функцию иронии: *Һэй, нәни бәби! Шул башың белән колагыңны бордырып торасыңмы?* ‘Эх ты, ребенок! В таком возрасте позволяешь драть свои уши?’ [Камал 1978: 78]. Следовательно, инвективность высказываний также обуславливается контекстом.

Также были выявлены случаи, в которых вместо использования инвективной лексики для выражения отрицательной оценки качеств личности, писатель передает негативную коннотацию при помощи других средств. Так, в драме «Бәхетсез егет» («Несчастный юноша») один из персонажей заменяет инвективу строками из песни, где, казалось бы, нет оскорбительного слова:

И бай угълы, бай угълы, якаларың каюлы;

Чыксаң – атың жигүле, ятсаң – урның жәюле.

‘Сын богача, сын богача, строченый воротник;

Выйдешь – лошадь запряжена, ляжешь – постель расстелена’

[Камал 1978: 35].

При этом в скобках драматург дает пояснение – *мыскыл итеп жырлый* ‘поет с издевкой’. В рассмотренном выше примере инвективность высказывания также детерминирована контекстом.

Таким образом, среди основных стилистических особенностей употребления инвективной лексики в комедийных и драматических произведениях Г. Камала были выявлены функции инвективной метафоры, эпитета, метонимии, иронии. Важно подчеркнуть междометное употребление инвективных лексических и фразеологических единиц, которое способствует выражению негативной оценки ситуации, а также неспособности ее исправить. Следует также особо отметить роль заимствований из русского языка для достижения эффекта экспрессивности, а также компонентов, усиливающих эмоциональную

нагрузку высказывания. Кроме того, в анализируемых произведениях наблюдалось влияние контекста на инвективность высказывания, т.к. первоначально неинвективные слова и словосочетания могли приобретать резкую отрицательную коннотацию. Следовательно, мы можем говорить о многозначности инвективных лексических единиц, которые меняют значение в зависимости от контекста и интенции говорящего.

Подводя итог, выбор и частотность инвективной лексики в анализируемых произведениях обусловлены тематикой, жанром, предпочтениями автора, исторической эпохой, социальными проблемами этого периода. Инвективная лексика и фразеология, использованная в речи действующих лиц пьес, способствует созданию яркого характера и глубокому раскрытию персонажей, выражению настоящих человеческих чувств и эмоций.

Библиографический список

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.

Смолина А.Н. Стилистические приемы языкового комизма: синекдоха // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4 (23). С. 44–46.

Камал Г. Эсэрләр, өч томда. Казан: Тат. кит. нәшр. Т. 1: Пьесалар. 1978. 408 б.

Камал Г. Эсэрләр, өч томда. Казан: Тат. кит. нәшр. Т. 2: Пьесалар, эстрада эсэрләре, шигыръләр. 1979. 544 б.